

Пабло Неруда. Испания в сердце

Переводы Ильи Эренбурга, 1939 г.

PABLO NERUDA

España en el corazón
1938

Компьютерный набор: А. Гусев, 25.09.2003.

Обращение

Чтобы начать, как о раскрытой розе,
как о начале неба, воздуха, земли, -
тоска по песне, по металлу боя,
который обнажает кровь.

Испания, хрусталь и битый камень,
взволнованная тишина пшеницы,
мех и горячий зверь.
Сегодня, завтра - ты идешь -
ни шороха, ни слова:
испуг надежды, как высокий воздух.
Стертая луна -
из рук в руки,
от колокольни к колокольне.

Мать-родина, овес, кулак,
сухая и горячая земля героев!

Бомбардировка

Кто на дороге, кто?
Кто это, кто?
Кто в темноте, кто в крови?
Пепел, железо, камень,
смерть, пламя, плач.
Кто это, мать, кто?
Кто? И куда?

Проклятие

Родина, клянусь, ты прорастешь из пепла,
цветок неистощимых вод.
Из твоего рта, измученного жаждой,
вылетят лепестки хлеба.

Проклятье пришедшим на твою землю
с топором и жалом,
выждавшим часа, чтобы открыть дверь
наемникам и марокканцам.
Дайте лампу, глядите:
земля пропитана кровью,
кости обглоданы огнем,
это - одежда Испании.

Проклятье невидящим,
слепым,
принесшим родине
вместо хлеба слезы.

Испания, бедная по вине богатых

Бедность была для Испании, как чадные подмости:
камни, навороченные ручьем беды,
нераспаханная целина,
запретные кладовые
с оловом и лазурью,
утробы и ворота, запечатанные наглухо.
Их сторожили:
люди в треуголках с ружьями,
священники, похожие на печальных крыс,
толстозадые прислужники короля.
Суровая Испания, край сосен и яблонь,
твои господа запрещали тебе
сеять хлеб, тревожить руду, покрывать коров.
Ты должна была жить могилами,
ходить на паломничество к святому Христофору
и приветствовать американских макак
из "приличного общества".
Не стройте школ, не скребите плугом кору земли,
не собирайте зерен счастья,
молитесь, скоты, молитесь!
Вас поджидает толстозадый бог:
"Хлебай похлебку, брат во Христе!"

Мадрид (1936)

Мадрид, одинокий и гордый,
июль напал на твое веселье
бедного улья,
на твои светлые улицы,
на твой светлый сон.

Черная икота военщины,
прибой яростных ряс,
грязные воды

ударилась о твои колени.
Раненый,
еще полный сна,
охотничьими ружьями, камнями
ты защищался,
ты бежал,
роняя кровь, как след от корабля,
с ревом прибоя,
с лицом, навеки изменившимся
от цвета крови,
подобный звезде из свистящих ножей.

Когда в полутемные казармы, когда в ризницы измены
вошел твой клинок,
ничего не было, кроме тишины рассвета,
кроме шагов с флагами,
кроме кровинки в твоей улыбке.

Объяснение

Вы спросите: где же сирень,
где метафизика, усыпанная маками,
где дождь, что выстукивал слова,
полные пауз и птиц?
Я вам расскажу, что со мною случилось.

Я жил в Мадриде, в квартале, где много колоколен,
много башенных часов и деревьев.

Оттуда я видел
сухое лицо Кастилии:
океан из кожи.

Мой дом называли "домом цветов":
повсюду цвела герань.
Это был веселый дом
с собаками и с детьми.

Помнишь, Рауль?
Помнишь, Рафаэль?
Федерико^[1], - под землей - помнишь балкон?
Июнь метал цветы в твой рот.

Все окрест было громким:
горы взволнованных хлебов,
базар Аргуэльес и памятник,
как чернильница, среди рыбин.

Оливковое масло текло в жбаны.
Сердцебиение ног заполняло улицы.
Метры, метры. Острый настой жизни.

Груды судаков. Крыши
и усталая стрелка на холодном солнце.
Слоновая кость картошки,
а помидоры до самого моря.

В одно утро все загорелось.
Из-под земли вышел огонь,
он пожирал живых.
С тех пор - огонь,
с тех пор - порох,
с тех пор - кровь.

Разбойники с марокканцами и бомбовозами,
разбойники с перстнями и с герцогинями,
разбойники с монахами, благословлявшими убийц,
пришли,
и по улицам кровь детей
текла просто, как кровь детей.

Шакалы, от которых отступятся шакалы,
гадюки - их возненавидят гадюки,
камни - их выплюнет репейник.

Я видел, как в ответ поднялась кровь Испании,
чтобы потопить вас
в одной волне
гордости и ножей.

Предатели генералы

Предатели генералы,
посмотрите на мой мертвый дом,
на разломанную Испанию.
Но из каждого мертвого дома,
вместо цветов,
вылетает сталь.
Но из каждого пустыря Испании
встает Испания.
Но из каждого убитого ребенка
прорастает ружье с глазами.
Но из каждого преступления
рождаются пули,
они заменяют вам сердце.

Вы спрашиваете, почему я не говорю о мечтах,
о листьях,
о больших вулканах моей земли?

Смотрите: на улице кровь.
Смотрите:
кровь

на улице!

Матерям убитых дружинников

Они не умерли,
стоят в разгаре боя,
как фитили.

Их светлые тени
сливаются с полями цвета меди,
с железной завесой ветра,
с парашютом гнева,
с грудью небес.

Они стоят среди пшеницы,
высокие, как полдень,
над равниной.
Из мертвых тел
колокола
звонят победу.

Сестры, горсть пыли на земле,
разрушенное сердце,
верьте в ваших мертвых!
Они не только корни
под камнем, одетым в кровь, -
их рты кусают порох,
идут на приступ,
и поднятые кулаки не уступают смерти.
Из тел поверженных выходит жизнь.
Матери, знамена, сыновья!
Лицо с разбитыми глазами на страже.
Оружье полно земных надежд.

Сбросьте траур,
чтобы слезы стали металлом,
чтобы точили день и ночь,
чтобы долбили день и ночь,
пока не рухнут двери злобы.

Я знал ваших детей,
я гордился их жизнью,
как горжусь их смертью.
Их шаги в метро
звенели по утрам рядом с моими.
Их смех врезался, как гроза,
в глухие мастерские.
Среди плодов Леванта, сетей рыбацких Юга,
цемента, типографской краски
я видел их горячие сердца.
Матери! Мое, как ваши -

полно горем: лес, омытый кровью,
с хищным туманом бессонницы
и с одиночеством любого дня.

Но сильнее, чем проклятье мерзким гиенам,
сильнее, чем ярость, презрение, плач,
матери,
сквозь скорбь, сквозь смерть, смотрите -
сердце дня,
который занялся.
И мертвые приветствуют его из-под земли,
сжав кулаки над золотом пшеницы.

Какой была Испания

Испания была сухой и напряженной:
бубен дня со смутным звуком,
равнина и орлиное гнездо,
тишина, исхлестанная непогодой.
Как я люблю - до слез -
твою черствую землю,
твой бедный хлеб,
твой бедный люд,
и в самой глубине моего сердца
потерянный цвет твоих ветхих деревень,
твоих равнин,
в веках, под луной,
пожираемых праздным богом!

Твое звериное одиночество,
твой ум, окруженный тишиной и камнем,
твое терпкое вино,
твое сладкое вино,
твои бешеные и нежные лозы.

Солнечный камень, чистый край,
кровь и металл,
голубая непобедимая поденщица,
земля лепестков и пуль,
живая и сонная,
звонкая Испания.

Уэдамо, Карраскоса,
Альпедрете, Буштраго,
Паленсия, Арганде, Гальве,
Галапагар, Вильяльба.

Пеньяррубия, Седрильяс,
Алькосер, Тамурехо,
Агуадутьсе, Педрера,
Фуэнте Пальмера, Кольменар, Сепульведа.

Каркабуэй, Фуэнкальенте,
Линарес, Салана дель Пино,
Карселен, Алатос,
Маора, Вальдеганда.

Иесте, Риопар, Сегорбе,
Ориуэла, Монтальбо,
Алькарэс, Каравака,
Альмендралехо, Кастехон де Монегрос.

Пальма дель Рио, Перальта,
Гранаделья, Кинтана де ла Серена,
Атиенса, Барабона,
Навальмораль, Опореса.

Альбореа, Моновар,
Альманса, Сан Бенито,
Мораталья, Монтеса,
Торре Баха, Альдемус,

Севико Наверо, Севико де ла Торре,
Альбалате де лас Ногерас,
Хабалойяс, Теруэль,
Кампорроблес, ла Альберка.

Посо Амарго, Канделеда,
Педроньерас, Кампильо де Альтобуэй,
Лоранка де Тахунья, Пуэбла де ла Мухер Муэрта,
Торре ла Карсель, Хатива, Алькой.

Пуэбла де Обандо, Вильяр дель Рей,
Бэлорага, Бриуэга,
Сетина, Вильяканьяс, Паломас,
Навалькан, Энарехос, Альбатана,

Торредонхимено, Траспарга,
Аграмон, Кревильенте,
Поведа де ла Съерра, Педерносо,
Альколеа де Синка, Матальянос.

Вентоса дель Рио, Альба де Тормес,
Оркахо Медианеро, Пьедраита,
Минганилья, Наваморкуэнда, Навальпераль,
Навалькарнеро, Навальморалес, Хоркера.

Аргора, Торремоча, Аргесилья,
Охос, Негрос, Сальваканьете, Утиель,
Лагуна Сека, Каньямарес, Салорино,
Альдеа Кемада, Пескера де Дуэро.

Фуэнтеовехуна, Альпадрете,

Торрехон, Бенагуасиль,
Вальверде де Хухар, Вальянка.
Иендалазнсина, Робледо, де Чавела.

Миньогалиндо, Осса де Монтиель,
Ментрида, Вальдепеньяс, Титагуас,
Альмодовар, Хестальгар, Вальдеморо,
Альмуродиель, Оргас.

Прибытие в Мадрид Интернациональной бригады

Утром, в холодный месяц,
в месяц ненастья, замаранный грязью и дымом,
в грустный месяц осады,
когда, щерясь, выли шакалы Марокко,
когда мы ни на что больше не надеялись,
когда мир казался добычей чудовищ, -
ломая легкий лед холодного утра,
в раннем тумане Мадрида
я увидел вот этими глазами,
этим сердцем, что видит, -
шли вы:
нежная и зрелая, светлая, крепкая
бригада камня.

Это было время тоски, и разлука
жгла женщин, как уголь.
Испанская смерть,
что острее и терпче смерти,
бродила по полю, дотоле гордому хлебом.
На улице кровь раздавленных людей
смешивалась с водой,
которая вытекала
из сердца разрушенного дома.
Невыносимое молчание матерей,
глаза детей, закрытые навеки,
все было грустью, ущербом, утратой -
убитым садом, вытопанной верой.
Товарищи, тогда я вас увидел,
и мои глаза еще полны гордостью:
я увидел в туманное утро,
стойкие и спокойные,
с винтовками,
с голубыми глазами
вы подымались на фронт Кастилии,
пришедшие издалека,
из ваших потерянных родин, из ваших снов,
чтобы отстоять испанский город,
где раненая свобода
не знала, протянет ли день.
Братья,

пусть ребенок и муж, женщины, старцы
узнают вашу высокую повесть,
пусть она дойдет до сердце без надежды,
пусть пронесется по шахтам, полным удушья,
пусть спустится вниз по бесчеловечной лестнице рабства.
Пусть все звезды, все колосья Кастилии и мира
запишут ваши имена, вашу суровую борьбу,
вашу победу, тяжелую и земную, как ветви дуба,
ибо вашей жертвой вы возродили доверье к земле,
вашей щедростью и вашей смертью. -
Вы река среди кровавых скал,
стальные голуби, надежда.

Битва на реке Харама

Между землей и плотиной олив
и мертвыми испанцами -
Харама, как кинжал,
остановила орды.

Люди Мадрида,
с сердцами, позолоченными боем,
как хлеб из пепла,
пришли сюда.

Харама, между дымом и железом
ты - сломанная ветка хрусталя,
лента медалей
для победителей.

Ни взрывы, ни подкопы,
ни ярость натиска,
ни минометы ночи
не покорили этих вод.

Жаждавшие крови,
хлебнув твоей воды, -
воды оливы и забвенья, -
лежат - ртом к небу.

За глоток воды,
и кровь предателей сверкает,
как крохотные рыбы
горького ключа.

Хлеб народа
замешан на железе и костях,
высокий, как земля
сопротивленья.

Харама, небо боли,

кильватер крови,
здесь мертвые твои,
Харама.

Альмерия

Блюдо для епископа, блюдо растертое, горькое,
блюдо с кусками железа, с золой, со слезами,
блюдо падающих стен,
блюдо для епископа, блюдо крови Альмерии.

Блюдо для банкира, блюдо, где лица, и щеки, и ямочки
детей счастливого Юга,
блюдо яростных вод, развалин и страха,
блюдо истоптанных лиц, хрящей позвонков,
черное блюдо, блюдо крови Альмерии.

Каждое утро, каждое мутное утро вашей жизни
оно будет дымиться, горячее, на вашем столе.
Вы его слегка отодвинете холеными руками,
между хлебом и виноградом,
вы его слегка отодвинете, чтобы не видеть.
Но это блюдо тихой крови
будет каждое утро перед вами,
каждое утро.

Блюдо для полковника и для супруги полковника,
на полковом празднике,
блюдо для вас, богатые,
для послов, для министров, для нахлебников,
блюдо для дам в покойных креслах,
блюдо рубленого, жидкого, блюдо через край,
блюдо нищей крови,
на каждое утро, на каждый день,
блюдо крови Альмерии -
навсегда, навеки.

Оскорбленная земля

Края, затопленные мукой,
молчание без края,
труд муравья, расщепленные скалы,
а вместо клевера или пшеницы
кровь.
Привольная Галисия, светлая, как ливень,
теперь соленая от слез.
Эстремадура - кровь вокруг раны,
небо и свинец.
Бадахос среди мертвых в забвении.
Малага, распаханная смертью,

в горах, над пропастью, -
где, обезумев, матери
кидали новорожденных - о камень.
Ярость, гнев,
скорбь, слезы, беспамятство, безумье -
кости на дороге
и камень, похороненный под пылью.
Столько горя, столько смерти,
так страшен бег зверя по звезде,
что и победа не сотрет крови -
ничто - ни море, ни поступь времени,
ни жаркая герань могилы.

Развалины

Все, что было создано, покорено,
увлажнено, усвоено,
чем любовался глаз -
платочек
в хляби земли.

Как почка, как душа, как вырастает
из косточки расщепленной цветок,
показывались формы мира:
веко, колонна, лестница.

О существо вещей, простых и сложных!
Сколько нужно, чтобы стать часами, медью, боем -
алюминием лазеревых пропорций,
цемент, скрепляющий мечты.

Пыль сгущается, комочек глины, клей -
так создаются вещи,
так прорастают стены -
ползучая лоза вокруг человека.

Средь меди, средь огня и запустенья - клочок бумаги.
Как-то ночью
больной с сухим виском
нес рецепт в аптеку.
Дверь, построенная человеком
и никогда им не открытая.
Все распалось.

Раненая утварь,
простыни, моча, стекло, подушки, щетки,
круги из кожи, нитки, камфора:
бессвязный сон металлов,
лишенный запаха и ворожбы.

Гляди, как умирает дерево

до глубины сердца.
Для человека больше нет корней,
но только горький отдых
под тонкой сеткою дождя.

В руке красавицы гниет гитара.
Слова, что создавали, изгнаны,
а между известью и мрамором
след слез, уже замшелый.

Победа народной армии

Больше, чем память о земле,
чем совершенство камня и молчанье,
твоя победа,
родина, народ!

Простреленное знамя впереди,
как грудь с рубцами
земли и времени.

Цеха на фронте

Где горняки, где люди, которые вили веревки,
тачали сапоги, ставили сети?
Где они?

Где каменщики, которые высоко в небесах
ругались и пели?

Где машинисты, которые вели поезда,
эти полуночники и упрямы?
Где сословье пекарей?

С ружьем, с ружьем.
Среди угрюмого сердцебиения земли,
среди развалин.

Бьют пулей жестокого врага.
Так рвут колючий кустарник,
так топчут змей.

С утра до ночи,
среди золы печального рассвета,
под совершенством полдня.

Прекрасно торжество народа.
Когда идет победа,
сверкают
слепой картофель и небесный виноград.

После битвы

Огрызок земли. Измолотые роты
среди пшеницы. Сломанные подковы,
иней, камни.
Острая луна.

Луна, как раненая кобылица
в шипах железа и костей.
Грустное сукно
и дым могильщиков.

А позади, за нимбами селитры -
все, что осталось:
нищенское жниво,
сожженное и сожранное.

Ободрана случайная кора.
Развеяна щепотка пепла.
И только звонкий холод
да ткань забытого дождя.

Колени, войдите глубже в землю!
Глаза, ловите все, чтобы назвать и ранить,
чтобы запомнить привкус смерти,
чтобы не знать забвенья!

Гранатометчики

Ветки классического перламутра,
ветер лавра,
пожар зари и моря -
все для вас, герои-гранатометчики.
Вы вышли из ночного рта войны,
духи огня.

Прежде вы сеяли пшеницу,
безвестные, как брошенное семя.
В грудь яростных чудовищ
вы кинули не только динамит,
но и дымящееся сердце,
нищие дети земли и славы.

Вы знали лишь оливы,
невод с пеной и серебром,
дерево, стога, цемент.
Вы держали напильник иль рубанок.
В ваших руках цвели пурпуровый гранат
и утренняя луковица.
С грузом молний,

преследуя победу,
спокойные и стойкие,
вы вышли против танков.

Свобода вас нашла в глубоких рудниках,
свобода разлучила ваши руки с плугом,
свобода звала на выручку -
в домах, в полях,
в пыли дороги,
среди апельсиновых садов и ветра.
Свобода собирала спелые сердца,
и вы пришли,
дети победы.
Вы падали не раз - растерты руки,
хрящи измолоты, рот запечатан,
но в разгаре боя
вставали снова вы,
и новые вставали,
обугленные,
неистребимые,
люди сердца и корней.

Мадрид (1937)

Сейчас я вспоминаю все и всех,
в самых глубинах,
хоть за землей, но все же на земле.
Вторая зима.

В этом городе, где все, что я люблю,
нет больше ни хлеба, ни света.
Над сухой геранью хрустальный холод.
Ночью в стены, пробитые снарядом, как быком,
входят горестные сны.
На рассвете среди укреплений - никого,
только брошенная телега.
В сгоревшем доме с дверью в небо
вместо ласточек заплесневелый камень
и тишина веков.
Базар. Немного нищей зелени.
Сюда привозят каждый день
дорогой крови
рыбу, апельсины -
сестре или вдове.
Город горя, раненый, расщепленный, подточенный,
осколки стекла и крови,
город, лишенный ночи, город ночи,
город тишины и канонады,
город героев.
Новая зима, вторая,
голая - ни хлеба, ни шагов.

Солдатская луна и город.
Все и всем.

Нищая земля, и жилы настезь -
кровь, большое сердце,
а слезы падают, как пули,
на истерзанную землю,
как голуби - звеня.
Кровь, что ни час, кровь, что ни день.
Я не говорю о вас, уснувшие герои:
перед вашей волей дрогнула земля.

Я слушаю: на улице
зима идет.
Дом, где я жил, дома и город,
все оцеплено огнем.

Уж больше года, как предатели с разбега
ударились об этот берег.
Ток твоей крови их поразил.
Ни огонь, ни смерть не срыли этих стен.

Теперь убийцы караулят:
епископ с низким лбом,
золотая рота бездельников,
генерал и тридцать серебрянников.
Вокруг тебя центурии слезливых богомольцев,
эскадроны протухших послов,
вся свора в мундирах.

Хвала тебе, хвала в тумане, в свете,
колыбель грозы,
воздух крови,
в котором рождается пчела!

Сейчас, Хуан, ты дышишь,
Педро, ты смотришь, думаешь, ты спишь.
Сейчас в ночи без света, без сна, без отдыха
одни, среди бетона
и проволоки,
на юге, в сердце, на каждом повороте
люди, без неба и без тайн,
обороняют город
Мадрид,
в высокой тишине победы,
потрясенный, как сломанная роза,
и окруженный лавром.

Ода народной армии

Оружье народа! Угроза, осада
смешали смерть с землей.
Армия народа,
тебя приветствуют все матери мира,
все школы,
все старые плотники.
Тебя приветствуют колосьями, картошкой,
молоком, лимоном, лавром,
всем, что дает земля.

Все тебе: ожерелье рук
и упрямото грома.
День железа, укрепленная лазурь!

Братья, вперед,
по распаханной земле,
по пустырям,
среди сухой ночи без сна!
Бойцы, острее, чем голос зимы, проворней, чем веко,
точнее, чем алмаз шлифовщика,
вы пришли из недр,
как цветы или вино, как корни всех листьев,
как душистое добро земли.

Привет тебе, распаханная целина,
клевер и деревни, замершие в свете молний!
Вперед, вперед
по шахтам, по кладбищам
против смерти!

Народ, теперь ты - сердце и винтовка.
Вперед!
Фотографы, шахтеры, машинисты,
братья угля и камня,
друзья серпа,
на праздник ружей
вперед!
Бойцы, майоры, взводные и комиссары,
летчики и партизаны,
солдаты ночи и солдаты моря,
вперед!
Пред вами гниль, болота с кровавым гноем, ничто.
Испания, край яблонь, знамена злаков,
надпись огнем, вперед!
В бою, в волне,
среди гор, среди сумерек, среди терпких запахов земли
рождается та нить,
что не порвется.

Из тишины выходят корни и гирлянды,
ожидая победу, твердую, как камень.
Все жаждут, армия народа,
уйти с тобой:
любой топор или пила,
любой кусок руды, любая капля крови.
Твоя звезда лучами пригвоздила смерть,
установив глаза надежды.